

Некоторые сообщения из белоэмигрантской печати*

*Из сообщения Начальнику Управления
Делами Русской Эмиграции во Франции Ю. С. Жеребкова
от 22 ноября 1941 г.*

<Фрагменты>

22 июня 1941 года сатанинский меч мирового иудо-марксизма был отведен от Европы и ее культуры, и этот день нужно считать началом воскресения русского народа. Этого мы не имеем права забыть!

Если бы 22-го июня 1941 года германские войска, по приказу своего Вождя, не перешли советскую границу, русский народ перестал бы существовать! Если там теперь молодое и среднее поколения мало похожи на прежних русских людей, а в большинстве своем представляют собою каких-то запуганных полузверей-полуавтоматов, то через два десятилетия весь народ стал бы этими «новыми людьми», которыми так гордится Советский Союз.

<...>

Представьте себе, что после уничтожения Советов, германское правительство сказала бы русскому народу и эмигрантам (о чем здесь некоторые упорно мечтают): «Германия принесла большие жертвы для освобождения вашей родины от большевицкого ига. Теперь она свободна! Правьте вашей страной сами и ведите ее так, как вы сумеете и сочтете нужным!»

Прежде всего, кто эти люди, могущие в исключительно тяжких условиях взять кормило власти в свои руки? Кто будет иметь достаточно авторитета, силы воли и реальных возможностей, чтобы править необъятным разбушевавшимся русским океаном? Ни там не оказалось национальных группировок, на которые эмиграция рассчитывала, ни каких-либо серьезных здесь...

* Везде сохранена авторская орфография.

Нет, господа, только лишь под руководством национал-социалистической Германии, всецело вручив судьбу нашего народа и себя в ее руки, можем мы быть уверены, что из-под пепелищ и развалин городов и сел поднимется и медленно оживет многострадальный, несчастный русский народ. Только лишь тогда сможем мы быть уверены, что не будут больше умирать миллионы крестьян от голодной смерти, томиться и гибнуть лучшие русские люди в концентрационных лагерях. Мы не увидим больше стай беспризорных, будущих полузверей и преступников, и не встретим двенадцатилетних матерей.

<...>

Помните, что я не раз вам уже говорил: Адольф Хитлер является не только вождем немецкого народа, но и вождем всех тех, что борется или готов бороться с иудо-большевизмом, за новый, счастливый правопорядок.

<...>

Адольф Хитлер — спаситель Европы и ее культуры от жидовско-марксистских завоевателей, спаситель русского народа, войдет в историю России, как один из величайших ее героев. А кровь, проливаемая там, на необъятных равнинах русских, да будет последней очистительной жертвой и залогом будущей вечной дружбы двух величайших народов — германского и русского.

<...>

Русские эмигранты теперь уже не могут и не имеют права оставаться в нерешительности и ждать, как развернуться события. Неправильно предполагать, что сейчас идет борьба только между Германией и Италией с Англией или Германией с Советским Союзом. Нет! Сейчас идет страшная схватка, не на жизнь, а на смерть, двух начал, двух мировоззрений. С одной стороны — начало разрушительное и порабощающее — остатки демократии, plutokратия, эксплуатирующая народные массы, и их для многих неожиданный союзник — кровавый коммунизм, а за всеми ними — наглый Жид. С другой стороны — начало созидающее, освобождающее — национал-социализм и фашизм, строящие жизнь на новых справедливых началах и несущие счастье и истинную свободу народам.

<...>

Мы живем сейчас в такое время, когда нейтральное выжидание — преступление! Русская эмиграция должна решить, с кем ей по пути, кто ей милее: жидовская ли морда с кровавой пяты-

конечной звездой на лбу, или же немецкий солдат с надписью на бляхе своего пояса: «С нами Бог!»

От вашего решения зависит, останетесь ли вы на всю жизнь бесправными «апатридами» или же снова обретете Родину и сможете принять участие в гигантской работе по воссозданию и воскресению русского народа.

Пора решить, ибо «час одиннадцатый» настал!

Парижский вестник, № 2, 24.06.1942, с. 1.

«Союзники»

<Фрагмент>

Известный итальянский журналист Ч. Томазелли, корреспондент газеты «Коррьере дела Сэра» сообщает из Константинополя новости о происходящем в Сирии.

Последнее время де Голль не в милости даже у англичан. Та относительная свобода действий, которой голлисты располагали в Сирии, сейчас очень ограничена приездом из Лондона генерала Спирс в качестве Верховного британского комиссара в Дамаске, при так называемой Сирийской Республике, на ту же должность которую занимал и пока еще занимает ген. Катру (франц. представитель де Голля в Сирии).

Дело в том, что некоторые политические настроения голлистов и в частности их открытое и безоговорочное примыкание к политике Москвы, встревожило Лондон, тем более, что большевики уже находятся в Сирии. Крупных частей Красной Армии пока еще нет, но, напр., в Бейруте уже обосновался советский штаб, недалеко от бывшего итальянского консульства. Усилия голлистов постоянно направлены на то, чтобы изобразить страну Советов в розовом свете, страной молочных рек и кисельных берегов.

Так газета де Голля «Ле Жур» выходящая в Сирии, пишет, что в СССР народ в церквях молится за союзников, женщины благословляют солдат, отправляющихся на фронт и осеняют себя крестным знаменем. Рассказываются небылицы по радио, которому вторит пропаганда в кинематографах. <...>

Парижский вестник, № 2, 24.06.1942, с. 3.

Столкновения между сторонниками де-Голля и Дарлана в Сирии

Как сообщает агентство Стефании из Анкары, положении в Сирии между сторонниками де-Голля и Дарлана становятся все более напряженными. Командующий войсками де-Голля издал приказ, в котором сторонники Дарлана Считаются враждебными иностранцами и, если появится необходимость, таковые подлежат аресту и заключению в специальные лагеря. Положение настолько остро, что между сторонниками де-Голля и Дарлана произошло уже несколько кровавых столкновений.

Новое слово, № 101 (483), 20.12.1942, с. 2.

Убийца адмирала Дарлана

Согласно сообщению агентства ОФИ из Танжера, убийца адмирала Дарлана — двадцатилетний студент Боннэ де-ля-Шапель, мать которого еврейка. Семья убийцы проживала в Алжире. Отец и оба сына были известны, как сторонники де-Голля.

Новое слово, № 4 (490), 13.1.1943, с. 2.

Голлист Жиро

По сообщениям английских газет, поездка Жиро в Лондон и Вашингтон не привела к удовлетворительным результатам. Под влиянием этого, произошло невольное сближение двух «товарищей по несчастью» — де-Голля и Жиро. Английские газеты иронически замечают, что Жиро вернулся в Алжир в качестве «убежденного голлиста».

Новое слово, № 65 (551), 15.8.1943, с. 3.

Белых убивают в южной Италии

Милан, 12 октября. Газета «Коррьеरэ деля Сэра» сообщает, что белые русские, покинувшие Сицилию и Южную Италию, прибыли в Рим. После оккупации Северной Французской Африки и Сицилии большое количество белых-русских было убито

комиссарами ГПУ, находившимися среди англо-американских войск. ГПУ удалось внедрить советских офицеров в войска де Голля. Поэтому Белые русские в Италии бегут в ее Северные области.

Парижский вестник, № 70, 16.10.1943, с. 1.

Убийства русских на Корсике

Лицо, только что прибывшее в Париж с Корсики, разсказывает жуткие вещи о расправе, учиненной англо-голистами над русскими белыми после оставления острова германскими войсками. Тотчас по завершении оккупации острова, союзным командованием была произведена регистрация всех русских, проживающих на Корсике. Их оказалось довольно много, гл. образом — лиц, эвакуированных сюда после оставления немцами Туниса. Англо-голистами был издан приказ, по которому все русские, способные носить оружие, были обязаны немедленно вступить в ряды голистских войск «для продолжения борьбы с общим врагом». Что же касается их семей и лиц, не способных к военной службе, — то им был дан короткий срок для сборов на предмет отправления их... в советскую Россию! Можно себе представить ужас и отчаяние несчастных! Обреченные люди бросились по всем инстанциям англо-голистского командования с мольбами, протестами и требованием об отмене этого безчеловечного постановления. Напрасно! Союзное командование осталось неумолимо. Не столько русские безподданые подлежали отправке, но даже и натурализованные, долгое время прожившие во французском гражданстве. На этой почве среди высылаемых возникло сильное брожение и даже началось сопротивление. Тогда для подавления их и в назидание непокорным, англо-голистское командование распорядилось публично повесить восемь человек «зачинщиков» — эмигрантов, т. е. белых русских. В этот момент автору сообщения удалось покинуть Корсику и дальнейшая судьба наших несчастных соотечественников ему неизвестна.

Парижский вестник, № 72, 30.10.1943, с. 2.

Де Голль предает французских эмигрантов

По сообщениям из Лиссабона, в будущем эмигранты из Франции и других стран будут посыпаться в СССР. Прежде эти

эмигранты перевозились в Северную Африку, где они должны были вступать в части де-Голля. Отныне их будут переправлять через Соутгэмптон в Мурманск, на основании соглашения, заключенного де-Голлем с советским посланником Богомоловым. В кругах лиссабонских эмигрантов это известие вызвало большое беспокойство. Лиссабонским эмигрантам известно, что в сборных пунктах де-голлистов в Испании эмигранты должны подписывать заявление, в котором говорится о том, что они будут «будут бороться за Францию там, где это найдет нужным алжирский комитет». Лиссабонские эмигранты предполагают, что Советы хотят образовать французскую «большевистскую дивизию», по образцу пресловутой дивизии польской. Фактически, французские эмигранты станут рабами Сталина. Соглашение, заключенное между де-Голлем и Богомоловым, рассматривается лиссабонскими эмигрантами, как «торговля рабами».

Новое слово, № 103 (589), 25.12.1943, с. 7.

Драма французских эмигрантов

Лица, прибывшие в Лиссабон из Испании, передают о драматическом столкновении, произшедшем в поезде среди французских эмигрантов, на линии Мадрид — Лиссабон. Под охраной де-голлистов, 550 французских эмигрантов направлялись в Лиссабон. Однако, по дороге французские эмигранты узнали о том, что их готовятся переправить через Лиссабон и Ливерпуль, в СССР. Возмущенные эмигранты восстали против де-голлистов и сбросили их на ходу с поезда. Воспользовавшись тем, что на повороте поезд замедлил ход, часть эмигрантов спрыгнула с поезда и исчезла во тьме. Об этом эпизоде стало известным лишь на пограничной станции Валенсия-да-Алькантара. Испанская и португальская полиция принялись за розыски бежавших, до сих пор, однако, безуспешные.

Новое слово, № 3 (593), 9.1.1944, с. 7.

Судьба русских в Алжире

Из очень осведомленных источников нам сообщают, что белые русские, проживающие в Алжире, после приезда туда советского

посла Богомолова, специальным декретом все были сняты с работы и лишены права на нее. Через несколько времени новым распоряжением белые русские были заключены в концентрационные лагеря. Прошло немного времени и 27 октября 1943 г. русские эмигранты Алжира были посажены на пароход и увезены в СССР. О судьбе увезенных мы едва ли когда-либо что-нибудь точно узнаем. Но уже сейчас ясно, что судьба белых, насиливо отправленных в СССР — ужасна.

Парижский вестник, № 82, 15.1.1944, с. 1.

Пример НКВД заразителен

В Алжире состоялось новое заседание т. н. «гильотинной комиссии» — комитета французских эмигрантов. Выработана программа новой «чистки» в Северной Африке. Комиссия заботливо занялась вопросом об учреждении особых террористических судов, на тот проблематичный случай, если большевикам удалось бы укрепиться во Франции. Т.о., де-голлисты не скрывают своего намерения создать во Франции режим террора. В самой Северной Африке комиссия «вычистила» 66 чиновников, занимавших высокие посты. 42 из них были брошены в концлагеря. В числе арестованных — 5 генералов армии Жиро, 5 полковников, 8 префектов и др. видные лица. Суды на территории Франции должны будут состоять из четырех членов — двух представителей правительства и двух членов коммунистической партии. Как заявил «министр юстиции» де-голлистов Лоран, перед этими судами «побледнеют ужасы террора французской революции».

Новое слово, № 6 (596), 19.1.1944, с. 2.

«Черный список» Вышинского

Советский представитель в Международном совещательном комитете по итальянским делам Вышинский поручил своим агентам составить «черный» список итальянских аристократов, особенно тех, кто поддерживал связь с русскими эмигрантами или связан с русскими или польскими аристократами узами родства. Москва намерена требовать от англо-американских властей выдачи этих аристократических семей. Таким образом,

по иронии судьбы, именно аристократическое окружение Виктора Эммануила, всегда сочувствовавшее Англии и Америке, должно будет явиться жертвами новой большевистской Катыни.

Новое слово, № 9 (599), 30.1.1944, с. 1.

Русские по всему свету

Египетская печать сообщает, что советские официальные представители, аккредитованные при египетском правительстве, потребовали перевода в советское подданство всех находившихся в Египте белых русских эмигрантов и последующего их отправления в СССР. Огромное большинство русских эмигрантов немедленно ответило на это массовой подачей прошений о переводе их в египетское подданство.

Парижский вестник, № 87, 19.2.1944, с. 6.

Кот едет в Москву

Согласно сообщению агентства Рейтер, в Алжире обсуждается вопрос об откомандировании бывшего французского министра авиации Пьера Кот на три месяца в Москву в качестве делегата французской комиссии «по национальному освобождению».

Офицеры де-Голля бегут

Из Танжера сообщают, что явная коммунистическая политика Алжирского комитета вызвала открытое возмущение среди офицеров состава армии де-Голля и Жиро. В ноябре 1943 года из Северной Африки бежали свыше 500 французских офицеров в Испанское Марокко. Сейчас количество беженцев увеличилось до 1500 чел.

Новое слово, № 21 (611), 12.3.1944, с. 4.

Де Голль идет по стопам Бадольо

<Фрагмент>

Де Голль, глава Алжирского комитета в Северной Африке, следуя примеру изменника Бадольо, всячески старается добиться признания своего «правительства» со стороны Москвы. С этой целью он и отправил в Москву своего посланца, бывшего министра авиации Пьера Кот, с поручением просить признания со стороны советского правительства и назначения большевистского посланника в Северную Африку. Де Голль хотел бы также иметь своего посланника в Москве. Помимо того, Пьер Кот должен подготовить договор о союзе между Сталиным и де Голлем по образцу договора с Бенешем, после чего оба договора будут объединены. <...>

Новое слово, № 24 (614), 22.3.1944, с. 2.

Требование Москвы выдать эмигрантов

<Фрагмент>

Из Анкары сообщают от 9-го июня, что советское консульство в Каире начало составление паспортов для русских белых эмигрантов, проживающих в Египте. <...>

Б. Н-ский. Русская эмиграция в Париже

<Фрагменты>

Многочисленные письма, прибывающие из Парижа, позволяют составить ясное представление о настроениях среди русской эмиграции и, в особенности, о своеобразной особенности быта последней: об отношениях, которые там складываются между эмиграцией и советским правительством.

Чтобы понять парижские настроения надо прежде всего помнить, что за годы немецкой оккупации эмиграция подверглась сильному разложению. Опасным было для нее не только по-

литическое сотрудничество с немцами: людей, которые пошли на такое сотрудничество, было относительно немного — из демократического лагеря по этому пути пошли редкие единицы. Их призыва отклика не встречали. <...>

За то среди эмигрантов не-политических нашлось много, кто на работу пошел... А обычай-французы наиболее заметны были как раз такие люди: он видел, что немецких офицеров возят русские шоферы, что в немецких канцеляриях стучат русские машинистки, что в ресторанах швыряют деньги русские спекулянты... Конечно, таких же «сотрудников» много больше было среди французов, — но о французах забывали, а про русских помнили и рассказывали с сильными преувеличениями...

На почве этих настроений после освобождения Франции выросли попытки огульного обвинения всей русской эмиграции в работе на немцев: кое-где были производимы аресты всех эмигрантов; сообщали о планах постановки больших, — едва ли не показательных процессов, и т. д. Эти процессы не могли не быть крайне неудобны для советских представителей, т. к. во время них необходимо зашел бы вопрос о событиях 1940–1941 годов и о тогдашнем поведении этих самых представителей (напомним, что теперешнему полпреду Богомолову в начале войны пришлось покинуть Францию за его враждебные союзникам заявления).

В этой обстановке полпредство решило выступить в роли защитника эмиграции. Богомолов лично посетил де Голля и говорил с ним о нежелательности преследований русских эмигрантов, т. к. эти преследования питают анти-русские настроения, что нежелательно с точки зрения укрепления франко-советской дружбы. Де Голль согласился, и специальный курс против русской эмиграции был упразднен. Одновременно соответствующие инструкции получили и французские коммунисты, которые перед тем были инициаторами кампании против эмигрантов. А среди последних была начата агитация, что только полпредство спасает их от преследований и что особенно полно эта поддержка будет им обеспечена, если они будут записываться в «Союз русских патриотов» (за последнее время переименован в «Союз советских патриотов»). <...>

Когда выяснилось, что старая политическая, а в особенности демократическая эмиграция в «Союз» не пошла, полпредство стало подбираться к ней другими путями.

Центральное место среди этой эмиграции занимает т. наз. «маклаковская группа», которая начала складываться вокруг В. А. Маклакова еще с 1942–1943 гг. Во время оккупации члены этой группы вели себя не только безупречно, но временами и прямо геройски. Всевозможных «сотрудников» к себе они и близко не подпускали. Субъективно оставшиеся демократами, они испытывали на себе огромное влияние побед Красной Армии: эти победы ими были восприняты, как доказательство сближения советского правительства с народом, — на этой почве в их среде выросло стремление к пересмотру отношения к советской власти, которую они об'явили национальной русской властью. Весной 1944 года ими была разработана платформа, в которую они ввели заявление о прекращении борьбы с советской властью. <...>

Иными словами: советские дипломаты готовятся к крупным осложнениям со своими теперешними союзниками; они считают, что в этом случае эмигрантские группы могут сыграть некоторую роль в качестве центров, вскрывающих значение игры советских дипломатов, — и заблаговременно принимают меры, чтобы парализовать эту опасность, разложив эмиграцию. Именно эти соображения определяют всю игру парижского полпредства... Богомолов, большой любитель подобного рода «игры», подобрал соответствующий штат сотрудников, которые получили от него указания встречаться как можно чаще с эмигрантами, внушая последним, что Советская Россия вступила в полосу преобразований и что они сами тоже являются сторонниками таковых. Буквально каждый эмигрант, — если он имеет какое-либо имя, — легко может добиться приема в полпредстве, хотя бы даже у самого Богомолова. Последний охотно ведет «задушевные» разговоры, проявляя хорошую осведомленность; выражает свои симпатии к эмигрантским деятелям, — особенно покойникам; посещает даже эмигрантскую церковь и, вспомнив свое происхождение (он из духовной семьи) чуть ли не отбивает земные поклоны, приводя в умиление легковерных эмигрантов. Но в минуту откровенности, когда у него спросили, почему он так неразборчив и наряду с лично порядочными эмигрантами охотно принимает и людей, морально скомпрометированных своим поведением с немцами, то этот самый «Александр Ефремович» (как его называют теперь многие парижские эмигранты, считая ненужным прибавлять фамилию) коротко ответил: «К чему делать различия? Все они — одинаковая сволочь!»

Из Парижа сообщают также, что среди новообращенной молодежи, которая массами заявляет о желании ехать в Россию, идет вербовка секретных сотрудников. Повторяется та же история, которая имела место в старых «союзах возвращенцев»: желающим ехать в Советскую Россию предлагается «пока что» помочь советской власти в наблюдении за работой «непримиримых»... Усердие в этом деле обещают принять во внимание при решении вопроса о визе. <...>

*Социалистический вестник, № 11–12 (569–570),
3.7.1945, с. 133–135.*

Старая и новая эмиграция в Париже: Сводка по письмам

<Фрагмент>

По Парижу ходит анекдот: На улице стоят двое русских: старик-эмигрант, в прошлом гвардии генерал, князь какой-то, и молодой красноармеец из вывихших военнопленных, — и оживленно спорят. К ним подходит третий: «В чем дело?» — «Да посудите сами, — отвечает старик, — этот молокосос не хочет ехать в Россию. Ему, видите ли, не нравятся порядки, которые там завел Его Высокопревосходительство генералиссимус Иосиф Виссарионович... Не понимаю, как французское правительство терпит!»

Этот анекдот — отклик на теперешнюю злобу дня. Советских русских во Франции за это время перебывало сотни тысяч: тут и военнопленные, и принудительно вывезенные сюда немцами на работы, и беглецы из немецких концлагерей... И очень большое количество из их среды не желает возвращаться на родину. По самым разным причинам, но всеми правдами и неправдами стремятся удержаться здесь хотя бы на время: тут и любовные драмы (особенно много женщин, которые вышли или стараются выйти замуж за французов); тут и интеллигенты, которые хотят задержаться, чтобы «поднять квалификацию» или подучиться; тут и бывшие «власовцы», которых на родине ждет пуля в затылок, тут и рядовые красноармейцы, которым понравилась французская жизнь. Офицеры, бывшие в немецком плену, особенно боятся, что в России с ними расправятся за то, что они, «вопреки присяге», сдались в плен, а не дали себя убить. Рассказывают, как поступил Сталин после финской войны: всех офицеров, которые были в плену, расстрелял, красноармейцев послал в лагеря

на 15 лет... Но многими руководит не страх, а желание жить в свободной стране. Один из наших корреспондентов пишет:

«Разговаривал я с одной советской девушкой, которая ищет француза, чтобы выйти за него замуж:

Почему вы хотите остаться здесь?

Потому что тут вольнее жить.

Но ведь там тоже люди живут?

Да, — но если бы у нас знали, что тут так живут, все бы сюда прибежали!»

Количество желающих остаться определяется десятками тысяч. Ко всем обращаются за справками, за советами: как устроиться? Эмигрантский офис Маклакова буквально осаждают, умоляя о помощи. Но легальных возможностей нет никаких: обмен советских документов на эмигрантские запрещен самым категорическим образом...

Не имея возможности легализоваться свое положение, очень многие из советских скрываются. Относительно охотно приют им дает французская деревня, которая очень оскудела мужчинами-работниками. Многие прячутся в городах. По утверждению людей, связанных с советским посольством, французские власти не обнаруживали должного усердия в обнаружении таких скрывающихся, — и потому за поиски взялось само посольство, агенты которого производят настоящие облавы. Французская полиция, в аппарат которой проникло много коммунистов, оказывает помощь. <...>

Социалистический вестник, № 15–16 (573–574), 6.9.1945, с.

177–179.

Как советских граждан возвращали на родину: Письмо из Парижа

<Фрагменты>

Если у кого-либо было сомнение в силе симпатий советских граждан к режиму, который установлен на их родине, то он должен был с этими сомнениями расстаться, наблюдая, как в августе–сентябре производилась отправка советских граждан из Франции в Россию. Буду приводить только факты, о которых моя информация совершенно точна.

Количество уклоняющихся от отправки было настолько значительно, что сначала в Париже, а затем и по всей Франции начались настоящие облавы, которые производились русской военной полицией, прикомандированной к посольству; изредка при этих облавах секундировала французская полиция, но чаще всего советские чекисты обходились без ее помощи. <...>

Об'езжая Францию из конца в конец, они производили проверку всех русских, в том числе и старых эмигрантов, так ведя себя при этом, что, по сообщению «Попюлэр» (от 14 сентября), это вызвало в населении «беспокойство и тревогу». К чести французских социалистов надо указать, что они были первыми, кто выступил в печати против подобных порядков. Их выступление произвело свое действие, и в последнее время о чекистских безобразиях стало меньше слышно. Но главные массы советских граждан уже были забраны в особые лагеря, находившиеся под советской юрисдикцией, — и специальными поездами отправлялись в портовые пункты для посадки на пароходы. Поезда эти шли под специальным советским конвоем, тем не менее, в места назначения приходили со значительно поредевшим составом конвоируемых: люди бегут из поездов в пути. И из Марселя, и из Бордо сообщают, что ни одна погрузка этой новой категории советских рабов на суда не проходит без нескольких покушений на самоубийство...<...>

Социалистический вестник, № 19–20 (577–578), 10.11.1945, с. 226–227.

Судьбы русской эмиграции. Современные «охотники за черепами» (Письмо из Парижа)

<Фрагмент>

<...> Как ни существенна помощь агентов..., НКВД никогда не мог бы широко поставить свою работу во Франции, если бы не помочь со стороны старой эмиграции, об'единенной в «Союз Советских Патриотов». Согласно сведениям, полученным из достоверного источника, в январе–феврале 1946 года не меньше ста членов этой организации в одном Париже вели активную работу для НКВД, помогая последнему в его поисках новых

невозвращенцев. То же делается отделами Союза Советских Патриотов в провинции. Этот Союз повсюду является основной базой всей полицейской работы НКВД. Агентов в нем вербуют по старым методам: каждому, кто желает получить разрешение на возвращение домой, предлагается доказать свою преданность советской власти на деле, — участие в борьбе против врагов этой власти заграницей. Именно они наблюдают за деятельностью «непримиримых» среди старой эмиграции; в еще большей степени именно ими ведутся розыски укрывающихся «невозвращенцев». Оплата сдельная: за каждого выданного «невозвращенца» доносчик получает премию по 5 тысяч франков «с головы» ...

Социалистический вестник, № 3 (583), 15.3.1946, с. 82–83.

Судьбы русской эмиграции. Протест французского правительства против действий НКВД во Франции

В последнюю минуту нами получено следующее сообщение из Парижа:

На днях министр внутренних дел, социалист Ле Трокер, имел разговор с советским полпредом Богомоловым.

Министр в самых решительных тонах обратил внимание полпреда на недопустимость действий агентов НКВД в Париже и по всей территории Франции:

«Погоня по улицам Парижа, — приблизительно так говорил Ле Трокер, — за затравленными русскими людьми, избиения и насильственный увоз их, — все это глубоко возмущает наше общественное мнение и глубоко противно традициям и нравам французов. Это тем более недопустимо, что многие бывшие советские люди, являющиеся об'ектом травли, уже узаконили свое положение во Франции, получили документы, достойно живут и работают».

Далее министр выразил недоумение, почему вместо того, чтобы гоняться за бывшими советскими гражданами, которые не хотят ехать в Советский Союз, власти СССР не увозят на родину тех многочисленных эмигрантов, которые сами пылко выражают желание депатрироваться и уже давно подали об этом прошение в полпредство.

Богомолов, — прибавляет наш корреспондент, — не нашелся, что ответить французскому министру...

Социалистический вестник, № 6 (586), 21.6.1946, с. 158.

Судьбы русской эмиграции. Смутные дни русского Парижа (сводка по письмам)

«Указ» от 14 июня о советских паспортах всколыхнул весь русский Париж. До сих пор только о нем и говорят. Реклама ведется крикливая, назойливая. Митрополит Евлогий (теперь скончавшийся) поставил на службу полпредства весь аппарат церкви. Обе здешние просоветские газеты выбиваются из сил от усердия. «Советский патриот» уже пойман на подлогах (т. наз. «интервью Бунина»). Из консульства распускают слухи о карах, которые обрушаются на непримиримых немедленно же после прихода к власти французских коммунистов... По всему ясно, что не только для полпреда Богомолова лично (определенко говорят, что эта «амнистия» проводится по его предложению и что от успеха ее зависит многое в его карьере), но и для советского правительства вообще вопрос о паспортах стал совсем не ничтожной картой в большой политической игре... В чем ее суть?

Тоска по родине, и прежде очень сильная у эмигрантов, за годы войны так обострилась, что успех «амнистии» многим казался предрешенным. Есть совершенно точные указания, что в полпредстве ждали, что «протянутая рука» будет принята подавляющим большинством эмиграции. Даже многие из людей, не совсем просоветски настроенных, считались с неизбежностью массового выбора советских паспортов эмигрантами. Теперь уже нет сомнений, что эти расчеты оказались неправильными. Советские паспорта берет лишь незначительное меньшинство эмиграции, — та ее часть, которая и раньше прочно стояла «на советской платформе». Об этом говорят даже те цифры, которые сообщают официальные советские источники; так сам полпред Богомолов, на собрании 30 июня, заявил, что в очередь на паспорта записалось три тысячи человек; он жена собрании 21 июля говорил о двух тысячах уже выданных паспортов... Конечно, эти цифры далеко не окончательные. Агитация ведется с прежней настойчивостью. Из Москвы прислан дополнительный «дипломат», который совершает об'езд провинций. Записи продолжают поступать... Но их теперь совсем немного, — особенно в Париже, где приемная консульства совер-

шенно пустует; нашлось немало добровольцев, которые нарочно ходили туда для проверки.

Размеры провала станут особенно ясными, если мы приведенные выше цифры Богомолова сопоставим с данными об общем числе эмигрантов: точной статистики последних, как известно, не ведется, — но знающие люди уверенно говорят, что в одном Париже с предместьями наберется около 100 тысяч людей тех категорий, которые подходят под действие указа 14 июня (все, кто были гражданами России в 1917 году и их потомство). По общей оценке, если бы этот указ был издан месяцев 12–15 тому назад, за паспортами пришло бы не меньше 80–90% — теперь число их дойдет максимально до 3–5%.

Основной причиной этого провала является, конечно, тот радикальный перелом в настроениях широко массы эмиграции, о котором недавно писал один из корреспондентов «Социалистического вестника», — ее переход «от радужных надежд к резкой непримириимости». Теперь всем ясно, что, давая эту «амнистию», Москва меньше всего думала о нуждах и интересах эмигрантов, — меньше всего заботилась об облегчении их положения. Наоборот, «указ» и средактирован, и проводится в жизнь так, как если бы его авторы сознательно стремились ухудшить положение эмиграции. Многое в нем имеет явно провокаторский характер, сознательно рассчитанный на усиление подозрительности французских властей в отношении эмигрантов.

Как теперь известно, эмигрант, выбравший советский паспорт, никаких прав по существу не получает; на родину он поехать сможет только после специальных хлопот, если докажет свою лояльность в отношении советской власти. Каждый, кто хочет получить советский паспорт, дает подпись в том, что он, где бы ни проживал, обязуется отныне «зашщищать государственный строй Союза ССР от всяких посягательств» и одновременно сообщает адреса всех своих родственников, проживающих на территории СССР, которые становятся заложниками за него. Он должен защищать не Россию и даже не СССР, а именно «государственный строй», который в данное время там существует. Иными словами, он обязывается выполнять те функции в борьбе против противников «государственного строя СССР», какие только представителям этого строя покажется нужным на него возложить... Каждый, получивший советский паспорт, в настоящее время становится человеком, обязанным выполнять функции секретного агента

советской полиции. Отказаться он не может, не только потому, что за него отвечают его родные, Нои потому, что он сам потерял право на убежище в той стране, куда его забросила эмигрантская судьба, т. к. указанная подпись обязывает его быть нелояльным и по отношению к этой стране. За это говорит весь порядок проведения в жизнь «Сталинской амнистии».

«Указ» в ряде пунктов затрагивает интересы Франции. Дело не только в том, что русские эмигранты в течение ряда лет жили на ее территории и пользовались с ее стороны гостеприимством; многое более важно, что действие этого «указа» распространяется так же и на французских граждан, — на тех из эмигрантов, которые это гражданство получили, и на всех детей эмигрантов, которые родились на территории Франции и потому автоматически получили французские права. Франция имеет свои законы, которые нормируют выход из французского гражданства. Насильно удерживать она никого не собирается, — и в отличие от Советского Союза даже коренной француз может выйти из числа граждан республики. Но это выход не является односторонним актом, а именно в качестве одностороннего акта он осуществляется теперь советскими властями. Эти последние показали себя весьма искусными дипломатами, умеющими предвидеть последствия своих мероприятий и надалеко рассчитывать вперед. Поэтому указанные меры никак нельзя сваливать на непредусмотрительность. Демонстративное нежелание считаться с французскими властями явно входит в расчеты советского правительства. Таким путем прежде всего оно отрезает все пути отступления для тех, кто выбирает советские паспорта. Если бы они восстанавливали свое советское гражданство с соблюдением всех формальностей, требуемых властями, то в глазах последних они оставались бы лицами, соблюдающими лояльность в отношении приютившей их страны. Поскольку этого нет, постольку французское правительство будет относиться к новым советским гражданам с настороженным недоверием.

О том, что так именно и обстоит дело в действительности, свидетельствуют последние письма из Парижа: после некоторого периода растерянности, французские власти перешли в прямое наступление против эмигрантов, выбирающих советские паспорта. Известен ряд случаев, когда у новых советских граждан отбирали старые долгосрочные разрешения на проживание во Франции, заменив их краткосрочными; в других случаях отбирали разрешение на ра-

боту; известен случай высылки из Франции молодого эмигранта, который должен был, на основании французских законов, отбывать воинскую повинность, но в последний момент отказался, как приобретший права советского гражданина; еще больше разговоров вызывает другой случай обыска у русского эмигранта, который уже давно выхлопотал французские права и числился офицером резерва, а теперь получил советский паспорт. По французским законам, выход таких лиц из французского гражданства обставлен известными условиями, которых данное лицо не соблюло. По слухам, против него возбуждено судебное преследование.

Встревоженные этими мерами французских властей, новые обладатели советских паспортов кинулись в консульство и в «Союз Патриотов» за разъяснением, что они должны делать. Совет, ими полученный, только подтверждает высказанное выше мнение о сознательной провокационности всей «амнистии» вообще: новым советским гражданам рекомендуется «во всяком случае не торопиться» с сообщением в полицию о перемене паспорта. Настойчиво им внушают мысль, что можно легко жить с двумя паспортами в кармане: советским и нансеновским или французским. В этом-де имеются и особые удобства. Легко понять, что такой дву-паспортный эмигрант будет полностью находиться во власти советского консульства: под страхом разоблачения он обязан будет делать все, что только от него ни потребуют советские власти...

Но у этой системы дву-паспортности есть и другая сторона: она подводит под удар не только тех, кто выбрал советский паспорт, но и всех эмигрантов вообще. Французская полиция не может знать, кто именно выбрал советские паспорта, иначе, как со списков, сообщаемых ей консульством. Но если советское правительство легализует систему двух паспортов, то нет никакой гарантии, что списки консульства будут правильны. Теперь, например, стало известно, что в первый список таких лиц, сообщенный недавно консульством в префектуру полиции, включено всего 478 человек, выбравших паспорта, — в то время, как почти одновременно Богомолов на собрании в зале «Мютоялите» говорил о двух тысячах. Какая цифра верна, никто не знает. В эмигрантских кругах уверены, что последняя цифра преувеличена, — но и эмигранты признают, что цифра 478 явно преуменьшена... Отсюда ясен вывод: практика двух паспортов начинает проводиться в жизнь, — и в результате ее общее положение всей эмиграции станет еще более тяжелым, чем оно было до сих пор.

«Сталинская амнистия» ставит своей задачей не облегчение положения эмиграции; даже не возможность возвращения на родину тех эмигрантов, которые встали на советскую платформу. Ее действительная задача — разложить эту эмиграцию и сделать еще более трудным ее существование во Франции.

Б. Николаевский

*Социалистический вестник, № 7–8 (587–588),
20.8.1946, с. 186–188.*

